11 ~~115~~ 87

Охотой с ~~[illegible]~~ борзыми.

От Григория Аксинья получала нечастые коротенькие письма, извещавшие о том, что он пока-де жив-здоров, ~~служит~~ служит, ломает. Крепился-ли он, или не хотел в письмах высказывать своей слабости, но ни разу не обронил он слово о том, что тяжело ему, ~~и [illegible] страшно~~ скупые письма дышали холодком, ~~[illegible]~~ будто писал он их по принуждению. Лишь в последнем письме ~~уже [illegible]~~ обмолвился он фразой: «... ~~[illegible]~~ все время в строю и уж как будто и надоело воевать, возить за собой в переметных сумах смерть.» В каждом письме он справлялся о дочери, просил писать о ней: «... пиши, как моя ~~дочь~~ Танюшка растет и какая она собой стала. Недавно видал ее во сне большую и в красном платье...»

Аксинья с[пер]ву стойко переносила разлуку, вся любовь ее к Гришке перекинулась на дочь и особенно после того, как убедилась она в том, что ~~подлинно~~ от Гришки ~~[illegible]~~ понесла она ребенка. Доказательства явились неопровержимые: темно-русые волосы девочки вывалялись, новые росли черные и курчавые, менялись цвет и глаза, чернея, удлиняясь в разрезе. С каждым днем ~~все~~ девочка все разительней ~~[illegible]~~ засматривалась на отца, даже улыбка отсвечивала мелеховским, грищиным, звероватым. Теперь без сомнения угадывала она в ребенке отца, и от этого ~~[illegible]~~ к ней ~~[illegible]~~ не было уж так ~~[illegible]~~, как раньше, когда подходила она к люльке и отшатывалась, найдя в сонном личике девочки какое-нибудь беглое ~~сходство~~ с ненавистными милыми Степанова лица.

Цедились дни и после каждого оседала ~~горечь~~ в душе Аксиньи терпкая горечь. Тревога за жизнь любимого острененным буравчиком сверлила мозг, ~~тревога днем~~ не покидала ее днем, поведением ночью. И ~~[illegible]~~ когда то, что копилось в душе, взнузданное до времени волей, рвало клочьями ночь, всю до тла, билась Аксинья в немом ~~крике~~ в слезах, кусая ~~[illegible]~~ руки, ~~что бы [illegible]~~ крик и [illegible] бой убить физически. В пеленки выплакивала лишки слез, думая в детской своей наивности: «Гришкино дите, он сердцем должен почуять, ~~как~~ тоскую об нем...»

После таких ночей вставала она, как избитая, ломило все тело, настойчиво, неутомимо выстукивали в висках серебряные молоточки, ~~[illegible]~~ в ~~[illegible]~~ [illegible] тяжелая мутная шерсть... Старили Аксинью горючие ночи.

В воскресенье как-то, ~~Аксинья только что [illegible]~~ подала она пану завтрак и вышла на ~~крыльцо~~. К воротам ~~шла~~ шла женщина. Билось под белым платком такие страшно знакомые глаза... Женщина толкнула ~~[illegible]~~ калитку и вошла во двор. Аксинья побледнела, угадав Наталью, ~~[illegible]~~ нетвердо пошла навстречу.